

Общая газ. - 1996. - 25 апр. - с. 11.

Можно отделиться от России, но не от русской культуры

ЭЙМУНТАС Някрошюс учился в Москве, выпускник режиссерского факультета ГИТИСа по классу А.П. Гончарова. В 1977 году он ставит свой дипломный спектакль в Молодежном театре г. Вильнюса и в дальнейшем продолжает работу в нем. С начала 80-х годов спектакли Э. Някрошюса неизменно завоевывают награды на различных театральных смотрах бывшего Союза. Поставленный в 1987 г. «Дядя Ваня» А.П. Чехова (главный приз фестиваля «Прибалтийская театральная весна» в Минске, специальная премия фестиваля «Битеф-88» в Югославии) заставляет говорить о нем как неординарном явлении мировой режиссуры. В 1993 г. Някрошюс покидает Молодежный театр и сотрудничает с «Лайф», независимой организацией, подготавливающей Международный театральный фестиваль в Вильнюсе. 9 и 10 апреля в рамках Международного театрального фестиваля им. А.П. Чехова в Москве были показаны «Три сестры» (1 премия фестиваля «Балтийский дом» 1995 года в Санкт-Петербурге). Господин Някрошюс известен своей неразговорчивостью и необщительностью с театральной критикой, но побеседовать с ним на этот раз удалось.

— Вы часто ездите на театральные фестивали?

— Я не езжу на фестивали часто. Труппа ездит, я им даже завидую. Вот сейчас они только вернулись из Колумбии, показывали там 5 спектаклей... Я не смог с ними поехать, работал. Но я не хочу ничего пока о новой работе говорить. Я не люблю рассказывать о том, что еще не сделано, пока не доведу до конца. И о том, что я собираюсь ставить, не хочу распускать всяких слухов.

— Вы рады снова оказаться в Москве?

— Рад, да. Сегодня я долго ходил по городу, по знакомым улицам, вспомнил все.

— Вы имеете в виду ваши студенческие годы?

— Я все время мысленно возвращаюсь в то время, мое сознание сформировалось именно тогда, а мое мироощущение было в те годы наиболее острым.

— Для вас важно, какое нынче время на дворе, когда приступаете к новой работе?

— Это для меня не важно.

— А выбор драматурга, жанра спектакля? Вы могли бы ответить, почему в 1991 году вы поставили «Нос» по Гоголю, а в 1994 году спектакль «Мопарт и Сальери. Дон Жуан. Чума» по Пушкину?

— Нет, я не могу себя анализировать, почему именно в это время я ставлю ту, а не иную пьесу. Это получается само собой, и я не могу отдать себе отчет, зачем мне вдруг понадобилось поставить подобный спектакль.

— А имеет ли для вас значение такое понятие, как театральная мода?

— И от нее я не завишу. У других мне это может понравиться, если получилось удачно. Неудачники в таком случае выглядят довольно жалко.

— И политика для вас ничего не значит?

— (Оживляется.) О, меня очень интересует политика. Можно сказать, что она — мое хобби. Я читаю много газет, особенно политические статьи, слушаю Би-Би-Си, радио «Свобода», смотрю телевизор. Меня очень интересует, что происходит в мире, особенно — в России, особенно — политические новости. Но сам я в политику никогда не вмешиваюсь, и на мое творчество она никак не влияет.

— А что влияет? Есть ли у вас какой-либо источник вдохновения?

— Не знаю.

— Предположим, это награды, которых удостоены ваши спектакли...

— Не могу сказать, что они совсем ничего для меня не значат. Дома у меня лежат какие-то грамоты, а о некоторых я даже и не знаю. Видите ли, я не считаю звездочек на погонах, мне важно просто работать.

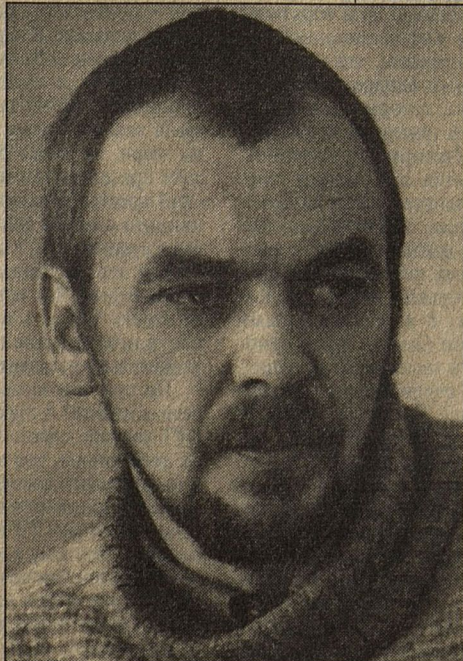
— Вы не жалеете о своем уходе из Молодежного театра, в котором проработали более десяти лет?

— Нет. Я принимаю жизнь такой, какая она есть. Тогда так получилось у меня с театром: просто износились отношения и надо было уйти. Теперь я работаю в «Лайф», а что будет завтра — я никогда не задумываюсь. Пусть будет, что будет.

— В своих немногочисленных интервью вы много рассказывали о городе, в котором родились.

— Да, Шилува. Это никак не город, его нельзя так называть, но и не деревня. Это просто замечательное место. Не на побережье, но море недалеко. Кругом лес. Я люблю охотиться. Из друзей, имеющих отношение к театру, еще два-три человека являются охотниками, а вообще — это как бы охотничий кружок. Иногда мы уходим охотиться на всю ночь. Темно. Мы включаем прожектора, поджидая, к примеру, кабана, выманиваем его... Порой возникают критические, даже стрессовые ситуации. Все это трудно передать словами. Совершенно неповторимые ощущения. Животный мир гораздо чище, там все справедливее, понятнее... Я думаю так: есть дно и есть какая-то вершина, до них сколько-то там метров в глубину

Юрий ФЕКЛИСТОВ

и в высоту, а я — где-то в середине. Я — просто часть органического мира; и не надо мнить о себе больше, чем представляешь на самом деле.

— Ваши родители живут в Шилуве?

— Мать живет. Я часто езжу к ней, раз в неделю — обязательно. Отец умер 13 лет назад, мы были очень близки с отцом, мне его очень не хватало. У меня еще есть сестра, она живет в Паланге. В юности она поступала в разные институты и один за другим их бросала, среди них был и литературный, а окончила в результате юридический

факультет, сейчас работает нотариусом. Мои два сына еще очень молоды. Старший — будущий архитектор. Младший — еще школьник. Жена работает в Молодежном театре, она художник. Семья, род — главное в моей жизни, без этого я не могу существовать.

— Вы как-то сказали, что 60-е годы много значили для вас.

— Да, я шестидесятник. Это мое поколение, немного ближе ко второй половине, начиная с 65-го года. Тогда не было такой агрессии, как сейчас. Люди были добрее, радостнее. Я родом из того времени. И сейчас мелодии 60-х мне ближе, чем сегодняшние.

— Мне кажется, вы придаете музыке огромное значение. А если я спрошу вас, какие именно оперные арии звучат в ваших «Трех сестрах», вы ответите?

— (Смеется.) Нет, этого я сейчас не могу сказать. Видите ли, когда ставлю спектакль, у меня в памяти всплывает мелодия, услышанная три года назад, и я даже вспоминаю, на какой именно пластинке остановился тогда игла проигрывателя, и я прошу своего композитора, чтобы он нашел эту мелодию и чтобы в определенный момент в спектакле она прозвучала. Это для меня, как постановщика, очень важно. (Вдруг.) Моя новая работа вплотную связана с музыкой.

— Не хотите ли вы сказать, что ставите рок-оперу?

— (Смеется.) Нечто вроде. Не спрашивайте, все равно не скажу. Премьера через несколько дней.

— Неужели это такая секретная информация? Или вы суеверны, боитесь сказать?

— Нет, никакой тайны, и у меня нет предрассудков. Ну хорошо, я скажу вам: это музыкальный спектакль по мотивам «Ромео и Джульетты» Шекспира, мы делали его вчетвером. Все, больше ничего не скажу.

— Вас огорчили отрицательные рецензии, подчас довольно резкие, которыми московская критика, начиная с «Носа», иной раз встречала ваши спектакли? Мне помнится, до того подобного не случалось.

— Нет. Хотя мне не нравится, когда критика бывает необъективна. Критик, как спортивный судья, должен быть объективен.

Беседовала Майя МАМАЛАДЗЕ

25.4.96.

Някрошюс Эймунтас